

ВЕЛИЧАЙШИЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР

ДЭН БРАУН

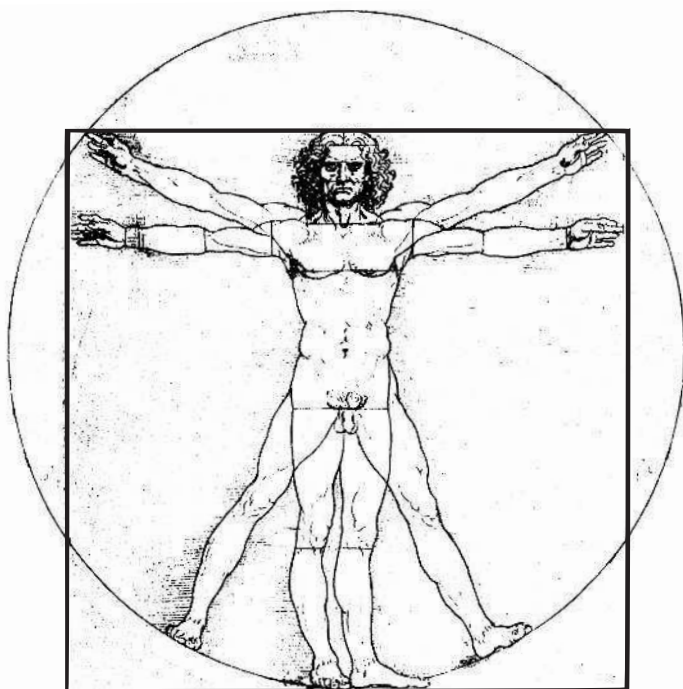

КОД ДА ВИНЧИ

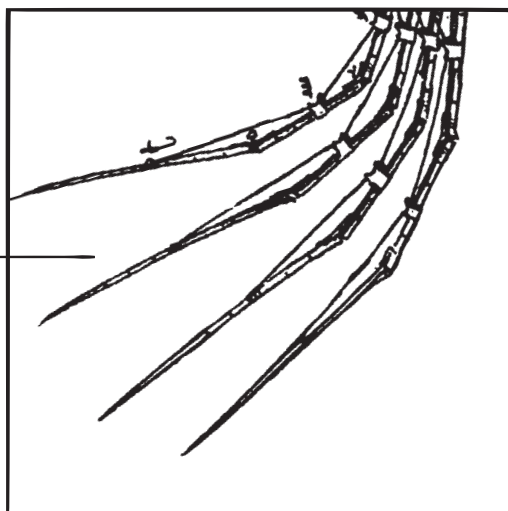

Издательство АСТ
Москва

И снова посвящается Блит...
Еще в большей степени, чем всегда

ФАКТЫ —

Приорат* Сиона —

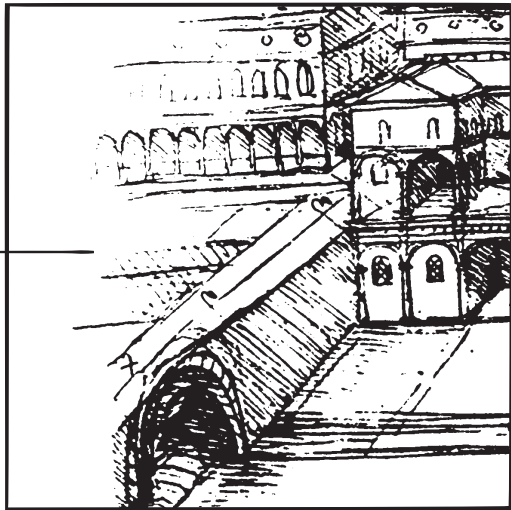
тайное европейское общество, основанное в 1099 году, реальная организация. В 1975 году в Парижской национальной библиотеке обнаружены рукописные свитки, известные под названием «Секретные досье», где раскрывались имена многих членов Приората Сиона, в их числе сэр Исаак Ньютон, Боттичелли, Виктор Гюго и Леонардо да Винчи.

Личная прелатура Ватикана, известная как «Опус Деи», является католической сектой, исповедующей глубокую набожность. Заслужила печальную известность промыванием мозгов, насилием и опасными ритуалами «умерщвления плоти». Секта «Опус Деи» только что завершила строительство своей штаб-квартиры в Нью-Йорке, на Лексингтон-авеню, 243, которое обошлось в 47 миллионов долларов.

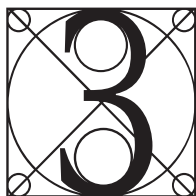
В книге представлены точные описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов.

* Приорат, или синьория, — орган городского управления ряда средневековых городов-коммун. В масонской традиции Великий приорат — подразделение в системе руководства одной из деноминаций масонства (Храм, Госпиталь). — *Примеч. ред.*

ΠΡΟΛΟΓ

Париж, Лувр
21.46

наменитый куратор Жак Соньер, пошатываясь, прошел под сводчатой аркой Большой галереи и устремился к первой попавшейся ему на глаза картине, полотну Караваджо. Ухватился руками за позолоченную раму и стал тянуть ее на себя, пока шедевр не сорвался со стены и не рухнул на семидесятилетнего старика Соньера, погребя его под собой.

Как и предполагал Соньер, неподалеку с грохотом опустилась металлическая решетка, преграждающая доступ в этот зал. Паркетный пол содрогнулся. Где-то завывла сирена сигнализации.

Несколько секунд куратор лежал неподвижно, хватая ртом воздух и пытаясь сообразить, на каком свете находится. *Я все еще жив.* Потом он выполз из-под полотна и начал судорожно озираться в поисках места, где можно спрятаться.

Голос прозвучал неожиданно близко:

— Не двигаться.

Стоявший на четвереньках куратор похолодел, потом медленно обернулся. Всего в пятнадцати футах от него, за решеткой, высилась внушительная и грозная фигура его преследователя. Высокий, широкоплечий, с мертвенно-бледной кожей и редкими белыми волосами. Белки розовые, а зрачки угрожающего темно-красного цвета. Альбинос достал из кармана пистолет, сунул длинный ствол в отверстие между железными прутьями и прицелился в куратора.

— Ты не должен бежать, — произнес он с трудно определенным акцентом. — А теперь говори: где оно?

— Но я ведь уже сказал, — запинаясь пробормотал куратор, по-прежнему беспомощно стоявший на четвереньках. — Понятия не имею, о чем вы говорите.

— Ложь! — Мужчина был неподвижен и смотрел на него немигающим взором страшных глаз, в которых поблескивали красные искорки. — У тебя и твоих братьев есть кое-что, принадлежащее отнюдь не вам.

Куратор содрогнулся. *Откуда он может знать?*

— И сегодня этот предмет обретет своих настоящих владельцев. Так что скажи, где он, и останешься жив. — Мужчина опустил ствол чуть ниже, теперь он был направлен прямо в голову куратора. — Или это тайна, ради которой ты готов умереть?

Соньер затаил дыхание.

Мужчина, слегка запрокинув голову, прицелился.

Соньер беспомощно поднял руки.

— Подождите, — пробормотал он. — Я расскажу все, что знаю. — И куратор заговорил, тщательно подбирая слова. Эту ложь он репетировал множество раз и всегда молился о том, чтобы к ней не пришлось прибегнуть.

Когда он закончил, его преследователь самодовольно улыбнулся:

— Да. Именно это мне говорили и другие.

Другие? — мысленно удивился Соньер.

— Я их тоже разыскал, — сказал альбинос. — Всю троицу. И они подтвердили то, что ты только что сказал.

Быть того не может! Ведь истинная личность куратора и личности трех его *sépéchaux** были столь священны и неприкосновенны, как и древняя тайна, которую они хранили. Но тут Соньер догадался: трое его *sépéchaux*, верные долгу, рассказали перед смертью ту же легенду, что и он. То была часть замысла.

Мужчина снова прицелился.

— Так что, когда помрешь, я буду единственным на свете человеком, который знает правду.

Правду!.. Куратор мгновенно уловил страшный смысл этого слова, весь ужас ситуации стал ему ясен. *Если я умру, правды уже никто никогда не узнает.* И он, подгоняемый инстинктом самосохранения, попытался найти укрытие.

* Старые слуги, прислужники (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

Грянул выстрел, куратор безвольно осел на пол. Пуля угодила ему в живот. Он пытался ползти... преодолевая страшную боль. Медленно приподнял голову и уставился сквозь решетку на убийцу. Теперь тот целился ему в голову.

Соньер зажмурился, страх и сожаление терзали его.

Щелчок холостого выстрела эхом разнесся по коридору.

Соньер открыл глаза.

Альбинос с насмешливым недоумением разглядывал свое оружие. Хотел было перезарядить его, затем, видно, передумал, с ухмылкой указал на живот Соньера:

— Я свою работу сделал.

Куратор опустил глаза и увидел на белой льняной рубашке дырочку от пули. Она была обрамлена кольцом крови и находилась несколькими дюймами ниже грудины. *Желудок!* Жестокий промах: пуля угодила не в сердце, а в живот. Куратор был ветераном войны в Алжире и видел немало мучительных смертей. Еще минут пятнадцать он проживет, а кислоты из желудка, просачиваясь в грудную полость, будут медленно отравлять его.

— Боль, знаете ли, на пользу, месье, — сказал альбинос. И ушел.

Оставшись один, Жак Соньер взглянул на железную решетку. Он был в ловушке, двери не откроют еще минут двадцать. А ко времени, когда подоспеет помощь, он будет уже мертв. Но не смерть страшила его в данный момент. *Я должен передать тайну.*

Пытаясь подняться на ноги, он видел перед собой лица трех своих убитых братьев. Вспомнил о поколениях других братьев, о миссии, которую они выполняли, бережно передавая тайну потомкам.

Неразрывная цепь знаний.

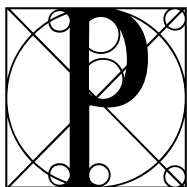
И вот теперь, несмотря на все меры предосторожности и все ухищрения, он, Жак Соньер, остался единственным звеном этой цепи, единственным хранителем тайны. Весь дрожа, он наконец поднялся. *Я должен найти какой-то способ...*

Он был заперт в Большой галерее, и на свете существовал лишь один человек, которому можно было передать факел знаний. Соньер разглядывал стены роскошной темницы. Их украшала коллекция знаменитых на весь мир полотен, казалось, они смотрят на него сверху вниз, улыбаясь, как старые друзья.

Поморщившись от боли, он призвал на помощь все силы и сноровку. Задача, предстоявшая ему, требует сосредоточенности и отнимет все отпущенные ему секунды жизни до последней.

ΓΛΑΒΑ 1

оберт Лэнгдон проснулся не сразу.

Где-то в темноте звонил телефон. Вот только звонок звучал непривычно резко, пронзительно. Пошарив на тумбочке, он включил лампу-ночник. И, щурясь, разглядывал обстановку: обитая бархатом спальня в стиле Ренессанса, мебель времен Людовика XVI, стены с фресками ручной работы, огромная кровать красного дерева под балдахином.

Где я, черт побери?

На спинке кресла висел жаккардовый халат с монограммой:

«ОТЕЛЬ «РИТЦ», ПАРИЖ».

Туман в голове начал постепенно рассеиваться.

Лэнгдон поднял трубку:

— Алло?

— Месье Лэнгдон? — раздался мужской голос. — Надеюсь, я вас не разбудил?

Щурясь, Лэнгдон посмотрел на настольные часы. Они показывали 12.32 ночи. Он проспал всего час и был еле живым от усталости.

— Это портье, месье. Извините за беспокойство, но к вам посетитель. Говорит, что у него срочное дело.

Лэнгдон все еще плохо соображал. *Посетитель?* Взгляд упал на измятый листок бумаги на тумбочке. То была небольшая афишка.

АМЕРИКАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПАРИЖА
имеет честь пригласить
на встречу с Робертом Лэнгдоном,
профессором религиозной символики
Гарвардского университета

Лэнгдон тихонько застонал. Вечерняя лекция сопровождалась демонстрацией слайдов: языческий символизм, нашедший отражение в каменной кладке собора в Шартре, — и консервативной профессуре она наверняка пришлась не по вкусу. А может, самые религиозные ученые даже попросят его вон и посадят на первый же рейс до Америки.

— Извините, — ответил Лэнгдон, — но я очень устал и...

— Mais, monsieur*, — продолжал настаивать портье, понизив голос до интимного шепота. — Ваш гость — весьма влиятельная персона.

Лэнгдон ничуть не сомневался в этом. Книги по религиозной живописи и культовой символике сделали его своего рода знаменитостью в мире искусств, только со знаком минус. А в прошлом году скандальная слава Лэнгдона лишь приумножилась благодаря его участию в довольно двусмысленном инциденте в Ватикане, который широко освещался прессой. И с тех пор его просто одолевали разного рода непризнанные историки и дилетанты от искусства, так и валили толпой.

— Будьте добры, — Лэнгдон изо всех сил старался говорить вежливо, — запишите имя и адрес этого человека. И скажите, что я постараюсь позвонить ему в четверг, перед отъездом из Парижа. О'кей? Спасибо! — И он повесил трубку прежде, чем портье успел что-либо возразить.

Он сел в кровати и, хмурясь, уставился на лежавший на столике ежедневник для гостей отеля, на обложке которого красовалась казавшаяся теперь издевательской надпись: «СПИТЕ КАК МЛАДЕНЕЦ В ГОРОДЕ ОГНЕЙ, СЛАДКАЯ ДРЕМА В ОТЕЛЕ «РИТЦ», ПАРИЖ». Он отвернулся и устало взглянул в высокое зеркало на стене. Мужчина, отразившийся там, был почти незнакомцем. Встрепанный, усталый.

Тебе нужно как следует отдохнуть, Роберт.

* Но, месье (фр.).

Особенно тяжелым выдался последний год, и это отразилось на внешности. Обычно такие живые синие глаза потускнели и смотрели уныло. Скулы и подбородок с ямочкой затеняла щетина. Волосы на висках серебрились сединой, мало того, седые волоски проблескивали и в густой черной шевелюре. И хотя все коллеги женского пола уверяли, что седина страшно ему идет, подчеркивает ученый вид, сам он был вовсе не в восторге.

Видели бы меня сейчас в «Бостон мэгазин»!

В прошлом месяце, к изумлению и некоторой растерянности Лэнгдона, журнал «Бостон мэгазин» включил его в список десяти самых «интригующих» людей города — сомнительная честь, поскольку это стало предметом постоянных насмешек со стороны коллег по Гарварду. И вот сейчас в трех тысячах миль от дома оказанная ему журналом честь обернулась кошмаром, преследовавшим его даже на лекции в Парижском университете.

— Дамы и господа, — объявила ведущая на весь битком набитый зал под названием «Павильон дофина», — наш сегодняшний гость не нуждается в представлении. Он — автор множества книг, в их числе: «Символика тайных сект», «Искусство интеллектуалов: утраченный язык идеограмм». И если я скажу, что именно из-под его пера вышла «Религиозная иконология», то не открою вам большой тайны. Для многих из вас его книги стали учебниками.

Студенты энергично закивали в знак согласия.

— И вот сегодня я хотела представить его вам, очертив столь впечатляющий *curriculum vitae** этого человека. Но... — тут она игриво покосилась на сидевшего за столом президиума Лэнгдона, — один из наших студентов только что предоставил мне еще более, если так можно выразиться, интригующее вступление.

И она показала номер бостонского журнала.

Лэнгдона передернуло. *Где, черт побери, она это раздобыла?*

Ведущая начала зачитывать отрывки совершенно идиотской статьи, а Лэнгдон все глубже и глубже вжимался в кресло. Тридцать секунд спустя аудитория уже вовсю хихикала, а дамочка никак не унималась.

— «Отказ мистера Лэнгдона рассказать средствам массовой информации о своей необычной роли в прошлогоднем совеща-

* Круг жизни (лат.).